

— Это для тебя двадцатидвухлетнего. Шан Шисюй объяснил и в душе облегчённо вздохнул. Хорошо, что не двадцать четыре.

Е Цзинцю открыл и, увидев вещь внутри, заикаясь спросил:

— Это, это я разработал?

— Угуг, на самом деле я всегда следил за тобой. Шан Шисюй начал объяснять, это также можно было считать подготовкой почвы для будущего.

Е Цзинцю был невероятно тронут, он знал, что братец тогда не женился на нём точно не потому, что не любил его.

Е Цзинцю открыл ещё один:

— А почему на этом нет цифры?

— Потому что это лишний, сверх двадцати четырёх, поэтому там только деньги на Новый год, нет другого подарка.

Е Цзинцю выразил понимание.

Е Цзинцю стал открывать следующие подарки, но каждый раз промахивался мимо двадцать четвёртого.

С каждым открытым конвертом он трогался всё больше, Шан Шисюй действительно был лучшим человеком в мире, только из-за одной его фразы он подготовил столько красных конвертов.

Причём в каждом красном конверте был маленький сюрприз.

Е Цзинцю открывал и заплакал, он был слишком тронут и слишком раскаивался, раскаивался, что в прошлой жизни не был хорош с Шан Шисюем.

Шан Шисюй не понимал, почему он вдруг заплакал, дети же раньше, получая красные конверты, были довольно рады, неужели правда было слишком мало?

— Дорогой, что случилось? Почему плачешь?

Как только Шан Шисюй стал утешать, стало ещё хуже, Е Цзинцю заплакал ещё сильнее, он прямо плюнул в объятия Шан Шисюя и ревел.

Немного успокоившись, он продолжал открывать, открывал и плакал.

Одежда на Шан Шисюе была намочена слезами Е Цзинцю на большую площадь.

Шан Шисюй растерянно его утешал, но Е Цзинцю не мог успокоиться.

Когда остался только последний, сердце Шан Шисюя сжалось.

Потому что это был тот самый двадцать четвёртый, который каждый раз не открывался.

В этот момент он был невероятно напряжён.

У Е Цзинцю ещё были силы, слёзы ещё капали, но он вошёл в раж, нужно было открыть все до конца.

Когда он увидел свою фотографию, вся комната затихла.

Осознав, что случилось, Е Цзинцю снова заплакал, оказалось, что Шан Шисюй, как и в прошлой жизни, так сильно любит его.

В прошлой жизни Шан Шисюй тайком сделал много его фотографий, и в этой жизни тоже оказались.

Более того, он сам сказал ему и даже сам признался.

Слёзы Е Цзинцю снова не остановились, речь была прерывистой:

— Эта фотография, это ты, когда... когда сделал.

— Два года назад, я нашёл человека, чтобы сфотографировать тайком. Шан Шисюй признался, даже специально усилил два слова «тайком».

— Значит, ты полюбил меня два года назад.

— Нет, я полюбил тебя намного раньше. Шан Шисюй признался, он, словно мазохист, снова повторил: Это я тайком сфотографировал. Ты не сердишься? Не думаешь, что я какой-то извращенец-сталкер?

— На что мне злиться? Ты до этого так трогательно сделал, кто ещё сможет злиться? Е Цзинцю окончательно раскрылся, плакал и тер нос о рукав Шан Шисюя. Кроме того, я очень рад, что ты так рано меня полюбил.

Услышав такой ответ, Шан Шисюй облегчённо вздохнул, подумав: раз так, то в этой жизни ты и не думай уходить от меня.

Е Цзинцю всё ещё плакал, было и радость, и трогательность, но всё из-за человека перед глазами.

— Хорошо, хороший, послушный малыш, не плачь. Шан Шисюй не выдержал, чтобы маленький ангел продолжал плакать, глаза уже опухли.

Шан Шисюй совсем не брезговал Е Цзинцю, даже поцеловал лицо Е Цзинцю.

Е Цзинцю знал, что на лице куча слёз и соплей, поэтому оттолкнул Шан Шисюя:

— Грязно~

— Не грязно, дорогой совсем не грязный.

— Отнеси меня помыться. Е Цзинцю выставил руки вперёд.

— Хорошо, помоем и не будем плакать, хорошо? Шан Шисюй тихонько его уговаривал.

— Угу.

После того как помылись, Е Цзинцю посмотрел на большую кучу на кровати и снова захотел

заплакать.

Шан Шисюй поспешил открыть рот и остановить слёзы Е Цзинцю:

— Дорогой, последний красный конверт, ты ещё не сказал, хочешь или нет?

— Хочу, обязательно хочу, и даю тебе срок в шесть месяцев, чтобы помочь мне осуществить. Е Цзинцю знал, что Шан Шисюй говорит о той бумажке.

На самом деле до времени, которое дал Е Цзинцю, оставалось ещё десять месяцев, но он не мог ждать, он даже хотел сказать три месяца, но всё же решил дать другой стороне немного больше времени.

— Хорошо, гарантирую выполнение задачи. Шан Шисюй посадил человека на кровать, взял железную коробку. На, убери всё сюда, скоро нужно будет обедать. Помочь тебе?

— Не надо, я сам справлюсь. Затем Е Цзинцю аккуратно положил каждую вещь в железную коробку, даже бумагу от красных конвертов аккуратно сложил и убрал, это же Шан Шисюй потратил большие деньги купил.

В течение этого времени он всё ещё хотел плакать, Шан Шисюй терпеливо его утешал.

Убирались полчаса, только тогда убрали все вещи, Е Цзинцю обнимал железную коробку и не хотел отпускать, плюс глаза были красные, ничего не поделаешь, Шан Шисюй пришлось принести еду наверх.

Во время еды Е Цзинцю всё время обнимал коробку и не отпускал, Шан Шисюй беспомощно кормил его сам.

После еды Шан Шисюй всё убрал:

— Дорогой, иди сюда, братец обнимет и поспит.

Е Цзинцю послушно скатился в объятия Шан Шисюя, но железную коробку всё ещё не хотел отпускать.

Шан Шисюй тоже был очень терпелив:

— Хорошо, дорогой, никто у тебя не заберёт, отпусти и хорошо поспи, хорошо?

— Ладно. Е Цзинцю только неохотно отпустил коробку, затем забрался в объятия Шан Шисюя, перед тем как уснуть, он всё ещё думал, что тоже нужно подготовить новогодний подарок для Шан Шисюя.

После тихого часа глазницы у Е Цзинцю ещё были немного красными.

Шан Шисюй с любовью поцеловал глазницы Е Цзинцю.

— Братец~ Е Цзинцю выспался, голос был тягучим, он обнимал Шан Шисюя и капризничал.

— Угу, я здесь. Шан Шисюй не выдержал и снова поцеловал маленький нос Е Цзинцю. Когда мы поедem в город Б?

Мозг у Е Цзинцю был ещё не совсем ясен, он долго думал, прежде чем понять, что говорит

Шан Шисюй:

— Поедем завтра, сегодня ещё побудь с дедушкой.

— Хорошо, слушаюсь. Шан Шисюй смотрел на сонного маленького ангела, он был действительно милым до бесконечности, хотелось спрятать его.

Днём никто не ожидал, что Шан Юн, словно нечистая сила, снова придёт.

Но в этот раз не привёл раздражающую Му Тинтин.

— Папа, с Новым годом. Зачем Шан Юн пришёл, разве не чтобы выжать деньги у старика.

— Хм, с твоим приходом я не рад. Дедушка Шан правда не любил этого сына.

— Папа, это подарок, который я тебе принёс. Шан Юн вытащил ящик с кашей «Восемь сокровищ», сразу видно, что купил на обочине, цена меньше ста юаней.

К тому же выглядело как подделка.

Е Цзинцю только вышел из спальни и увидел эту сцену, он был шокирован.

Что за чудак, покупающий кашу «Восемь сокровищ» в подарок.

Шан Шисюй автоматически проигнорировал кое-кого.

Дедушка Шан, увидев Е Цзинцю, обрадовался:

— Цюцю, проснулся? Голоден? На кухне есть пирожные.

— Дедушка, не голоден, в обед хорошо поел. Е Цзинцю поел и сразу поспал, только проснулся, как же можно быть голодным.

— Тогда быстро иди садись. Дедушка Шан поманил Е Цзинцю, Шан Шисюй шёл рядом с Е Цзинцю.

Сяохуа побегала снаружи и вернулась, увидела кашу «Восемь сокровищ», которую Шан Юн положил на пол.

Смотрела на этот красный ящик, автоматически решила, что это её игрушка.

Затем с возбуждением кинулась грызть, Шан Юн хотел остановить, но в глубине души тоже немного боялся этого скота, в детстве его кусали собаки.

Меньше чем за две минуты ящик был разодран в клочья.

Каша «Восемь сокровищ» внутри покатила везде.

Сяохуа была очень возбуждена, большой ящик ещё может превратиться в много маленьких ящичков?

Снова начала рвать, банки с кашей не выдержали и были разгрызены.

Сяохуа понюхала ту жидкость и сразу убежала за восемь метров, прижалась к дедушке Шану.

Та каша «Восемь сокровищ» была слишком вонючей.

Дедушка Шан давно видел, что Сяохуа хулиганит, но ничего не сказал.

— Да ладно, да ладно, вижу тебя — злюсь, посмотри на саму вещь, которую ты принёс, некачественную кашу «Восемь сокровищ», собаки не едят, быстро убери свой мусор и уходи. Дедушка Шан тоже почувствовал плохой запах и разозлился ещё сильнее.

За несколько десятков юаней что угодно купить можно, а купить кашу с проблемой качества, хочет отравить его, а потом наследовать его имущество?

Красиво мечтает.

Наследство Сяохуа отдам, но не ему.

— Ты! Мёртвый старик, не переходи границы. У Шан Юна тоже был темперамент.

— Не мозоль глаза здесь, не видел, что тут мой внук и невестка? Дедушка Шан хотел, чтобы этот человек быстрее ушёл и не мозолил глаза нескольким людям.

<http://bllate.org/book/16732/1539763>